

Это было давно, в 1926 году. По инициативе Сергея Мироновича Кирова шла перестройка ленинградского издательства «Прибой». Редакции укрепили серьезными, грамотными людьми. Литературно-художественным отделом стал заведовать известный писатель Михаил Леонидович Слонимский.

Бывают в жизни такие счастливые случайности. Разбирая рукописи, новый редактор как-то сразу задержал свой взгляд на этой: «Александр Фадеев. Разгром. Роман» — значилось на титульном листе. Начал читать и почувствовал, что встретился с чем-то неожиданным, сильным, настоящим. Боясь спугнуть радость первого впечатления, читал книгу не отрываясь. Читал и перечитывал.

Нет, трепет неожиданности не исчезал, не таял — все подлинно, жизненно: люди и переживания, их поступки в ситуации страшного, огненного кольца, сквозь которое они прорываются, наконец, и этот стиль — цветной, бурливый, мятежный, какой-то летящий. И в то же время внутренне собранный, открыто мужественный. Без трюков, фейерверков, заманчивых неблизких. Из игры никогда не вырастет стиля. Сколько проблем автор сжал, укротил в своей книге — будто все радости, тревоги, волнения жизни и литературы двадцатых годов слились в неповторимом мгновении! «Видеть все так, как оно есть, — для того, чтобы изменить то, что есть...» — простая жизненная мудрость, которую исповедует не только командир отряда, но и сам автор. Как потом узнает Слонимский, Фадеев завершит книгу фразой, ставшей крылатой и верной на все времена, своеобразным нравственным заветом, особенно в ситуациях крутых перемен, жесткой внезапности, адского напряжения.

Вот она, эта мысль: «...нужно было жить и исполнять свои обязанности», что означает прежде всего всегда и во всем, в целом и в частностях быть и оставаться человеком ясной, выстраданной цели и совести.

«Разгром» Фадеев начал писать в Краснодаре. Сюда он приехал в 1924 году, после смерти В. И. Ленина. По Ленинскому призыву. Осенью того же года он переезжает в Ростов-на-Дону «для работы в области литературы». Так было записано в решении Северо-Кавказского крайкома партии. Тогда его знали по фамилии Булыга. Это партийный псевдоним Фадеева с гражданской войны. Позже он говорил с улыбкой:

— Почему Булыга? Сам не понимаю.

В крайкоме он встретился с первым секретарем Анастасом Ивановичем Микояном. А. И. Микоян вспоминал, что больше всего его удивило, что Фадеев, девятнадцатилетний юноша, был в числе пяти делегатов X съезда партии от Дальневосточной республики. Об этом он узнал не от самого Фадеева, а от других людей. И правда, удивительно: в крае Сергея Лаза было немало заслуженных коммунистов, прошедших суровую школу борьбы, а послали на съезд именно его, юного комиссара бригады. «Большевики Дальнего Востока увидели в Фадееве неугасимую коммунистическую искру», — заключал А. И. Микоян.

В числе 694 делегатов X съезда партии с решающим голосом только двое были моложе двадцати лет. Одним из них был Фадеев.

— Саша, а ты не смущался, не чувствовал себя мальчишкой среди делегатов? — спрашивал Фадеева его друг, венгерский писатель Антал Гидаш.

— Нет, — отвечал Фадеев, — я чувствовал себя опытным партработником.

И вдруг задумался: — Однажды я и вправду смутился. Ленин прошел совсем рядом. И я укладкой коснулся его пиджака...

Тревожная весть: в Кронштадте поднял мятеж. Делегаты съезда становятся бойцами. Атака на крепость по льду Финского залива. Вперед — Клим Ворошилов. Фадеев ранят. Петроград. 1921 год. Больничная палата. Несколько месяцев провалялся в госпитале.

Поэт Эдуард Багрицкий будет дружить с Фадеевым. Вместе они редактируют «Альманах татарской литературы», который выйдет на русском языке в Москве в тридцатом году. Поэт писал: «...Нас бросала молодость на кронштадтский лед, — и видел его, Фадеева.

Учеба в Москве, в Горной академии. Первая повесть «Разлив» и рассказ «Против течения». Его хвалят. Снова партийная и газетная работа.

«Все мы тогда работали с большим напряжением, — вспоминал А. И. Микоян. — И мне порой бывало невдомек: когда он находил время для литературной работы? Ведь он делал все то же, что и остальные руководящие краевые работники...»

Лишь в редких случаях, когда его перегружали сверх меры, Фадеев просил не давать добавочной нагрузки. Однажды некто Чудов, работавший в аппарате крайкома, стал кричать, что ежели партия потребует, то можно и «бросить романы».

— Как будто я пишу себе в забаву! — возмущался Фадеев. — Как будто на место писателя так же легко найти заместителя, как на место редактора.

Но в целом Фадееву рабо-

тлось хорошо. Его творческие замыслы поощряются. Над ним как бы персонально шефствует Розалия Самойловна Землячка, друг и соратница В. И. Ленина. В то время она работала заведующим организационным отделом крайкома. Пожалуй, она первой почувствовала незаурядность фадеевского романа, читая его еще в рукописи, отдельными главами.

В мае 1925 года молодой автор получает письмо.

«Тов. Булыга.

Я испытала буквально огромную радость, когда читала Ваши главы. Это какой-то сплошной, без перерыва, чудесный разговор с близким и родным человеком (главы о Левинсоне). Такая удивительная правда о людях, о своих, во весь рост выявленных. Чудесно! Землячка».

Если бы рукопись была законченной, Слонимский

ВЕЧНАЯ КНИГА

«РАЗГРОМ»

немедленно бы отправил ее в производство. Назавтра был уже готов его восторженный отзыв о прочитанном, а в Ростов-на-Дону отправлено письмо с нетерпеливой просьбой: поскорее закончить эту книгу. Вскоре пришло окончание рукописи. Роман выходит отдельной книгой в 1927 году двумя изданиями. Это был настоящий успех и признание.

С молодым азартом поэт Александр Безыменский восклицал, что если 519 московских прозаиков — членов Ассоциации пролетарских писателей — будут писать так, как Фадеев, то вскоре мы будем иметь 519 «Разгromов».

Стоит ли говорить о том, что даже второй «Разгром» не появился. Да это и не нужно было.

Фадеев сдерживал пылкие восторги, не уставая повторять, что главное в искусстве — заново открыть свои пути к сердцам людей, и здесь не может быть застывших образцов. Более того. Требуется мужество творческого несогласия, «борения», как он говорил, с прежним, чтобы открыть свой путь. Любимый стиль хорош, любая форма приемлема, если они дышат правдой. Правда лишь правда, а ложь рано или поздно отступит и разрушит себя. Идеала же на все случаи жизни нет. Тем более — в искусстве.

Однажды, выступая, Фадеев даже рассказал притчу об американской девочке, которую воспитывали «сахарным елеем» на примере жизни Джорджа Вашингтона, первого президента США. Ей говорили: «Будь примерной, как Джордж Вашингтон, и не делай того-то и того-то, тогда ты попадешь в рай». Девочка слушалась-слушалась, рассказывал Фадеев, но смотрит, что лишь она ведет себя, как юный Джордж Вашингтон, а ее подруги живут сами по себе. Девочке надоело подражать, и тогда она сказала: «Не хочу я в рай, мне будет там скучно с одним Джорджем Вашингтоном». А потом, продолжал Фадеев, нет смысла бесконечное многообразие искусства подтягивать под какой-то идеальный пример. Каждый вправе заявить: «Почему я должен походить на этого вашего выдуманного идеального писателя?»

Роман переводят на немецкий, французский, испанский, английский языки. Он выходит в США, в Китае его переводит знаменитый Лу Синь.

«Поиските-ка в истории революцию, которая так быстро создала бы свою литературу», — с восторгом писал один из зарубежных критиков, прочитав «Разгром».

Немецкий поэт Иоганнес Бехер вспоминал, какое впечатление вызвала фадеевская книга в Германии: «Мы невольно прислушались: какой сильный новый голос в хоре молодой советской лите-

ратуры! Еще неизвестному тогда автору нечего было бояться сравнения с крупными писателями тех лет — своими собратьями по перу. Он продолжил великую традицию русской литературы».

С тех пор Фадеев в поле зрения Горького. В письмах из Сорренто Алексей Максимович то и дело спрашивает: «Заметили Вы «Разгром»? — и дает свою оценку: — «...очень талантливо сделана книга Фадеева...». А Ромену Роллану 29 января 1928 года сообщает: «Этот год принес нам несколько очень крупных людей, которые подают большие надежды. А именно: Фадеев, автор «Разгрома»...». И еще он скажет: «Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока еще — единичны».

Даже суровый Маяковский, называвший художественный психологизм психоложеством, признал, что Фадеев дал в «Разгrome» социальный научный анализ людей и событий, и в этом плане роман очень ценен. О Фадееве он говорит в Польше, Че-

образом отряда в романе был реальный партизанский отряд, который и название носил необычное — «Особый коммунистический». Фадеев был бойцом этого отряда.

Левинсон знает, что человеческий «материал», с которым ему жить, бороться и работать, проливать кровь и пот, далек от совершенства. Один только Морозка чего стоит: верстово дынь, бессмысленная гульба... Выгнать его из отряда? Нет, нельзя. Этого храброго, смелого человека можно развернуть к настоящей жизни, вывести его на прямую, ясную и правдивую дорогу. Он плоть от плоти человек «шахтерского племени».

Как умно, прищурив «нездешние» глаза, с улыбкой ведет он разговор. Морозке насучило ходить в ординарах. Он сбацается к командиру: «— Слушай, Левинсон... — начал Морозка. — У меня просьба к тебе... Сполнишь — вечным другом будешь, правда...

— Вечным другом? — с улыбкой переспросил Левин-

сон. — Ну, говори, что там за просьба.

— Пустяки, во взвод...

— Во взвод?.. С чего это тебе причпилось?

— Да долго рассказы-вать...

— Так говоришь, вечным другом? — снова переспросил Левинсон таким тоном, точно это соображение могло иметь как раз решающее значение.

Только вот таким живым образом и рождается «переключки» и понимание между людьми. Это разговор на равных, на полном согласии.

Недоверие унижает человека, сбивает с верного пути. Даже согнутый гвоздь можно выправить. Нормальный, здоровый человек может исправиться. Ничто его так не толкает обратно, в яму, как недоверие.

Вот почему Левинсон, Бакланов, Дубов запасаются еще и терпением. А почувствовав их доверие, Морозка начинает испытывать неприязнь к своей прежней жизни, казнит свои ошибки, дурные поступки, страдает и мучается. Последняя его мысль будет о дорогих, близких ему людях и разнесется по тайге эхом выстрела, предупреждая об опасности.

Фадеев вел рассказ густым, необычным словом, порой пугая осторожных людей этой образной необычностью. Ну вот, скажем, его Левинсон, человек сильный духом, командир отряда, испытывает минуты растерянности, и даже, обессилев, смертельно уставший, одно мгновение живет, как в полусне. После нечеловечески жестокого боя «он, уже не сознавая себя, но чувствуя, что еще живет, полетел над какой-то оранжевой, виляющей пропастью».

— Почему, товарищ Фадеев, «оранжевой»? — допытывался один молодой литератор, из тех, что всегда упрощают и слово и дело.

Валерия Герасимова, жена Фадеева, вспоминала, что писатель на секунду прикрыл глаза, как бы внутренне во что-то всматриваясь.

— Да потому, что не синий, не красный, не зеленый! И потом резко, твердо сказал:

— Оранжевый! — И взглянул на недоумевавшего литератора ясным, голубым взглядом, прямо и открыто глядевшим на собеседника.

Когда в пятидесятых — шестидесятых годах военная проза заговорила густым, скатым языком неприкрашенной правды, то она определила для себя четкую литературную ориентацию — фадеевский «Разгром».

«Батальоны просят огня», «Последние залпы» Юрия Бондарева, «Пядь земли», «Мертвые сраму не имут» Григория Бакланова, военные повести Виктора Астафьева, Евгения Носова, Василия Быкова писались с безусловной опорой на фадеевский опыт.

Можно представить себе книги, как человеческие характеры. Многим «Разгром» видится умным, известным доктором, и к нему всегда очередь записавшихся.

«Разгром» включен ЮНЕСКО в библиотеку шедевров мировой литературы. Читатели разных стран закрывают книгу с чувством уверенности, что она помогла. Они видят, что писатель создал жизнь живую, характеры людей, растущих в радостях скорби, способных превзойти самих себя и не пожелавших жить «по медленному, ленивому солнцу» старого мира.

Книге суждено было стать знаменитой. И в наши дни «Разгром» с прежней энергией исполняет свои духовные обязанности, внятно, каждым словом поощряя смелое действие, решительность и правду.

В конце романа перед оставшимися в живых героями распахивается летняя, хлебная долина.

И хотелось бы, чтобы, как и фадеевских героев, ждали нас не только слезы поражения и потерь, но и долины, залитые солнцем, и там шла веселая, звучная, хлопотливая жизнь, и в капелках пота, с открытой душой вставал работа-день. Создалась бы жизнь.

Иван ЖУКОВ.